

Кульбур. — 1992. — 12 дек. — с. 9.

Не страшно! Не больно!

Недавно мы увидели самое шоковое, по мнению западных критиков, произведение немецкой сцены последних лет. Бременский хореографический театр показал в Москве — благодаря усилиям Немецкого культурного центра имени И.-В. Гете и творческого центра имени В. Э. Мейерхольда — «Макбета» в постановке Йоханна Кресника.

В этом спектакле современные политические аллюзии пересекаются с сюжетом трагедии Шекспира, а язык экспрессионистского театра смешивается с приемами театра абсурда. Фигуры своего бесконечного танца-спектакля режиссер складывает из застывших оледенелых картин, диких игр мертвецов, горячего бреда супругов-убийц, разнузданного пляса ведьм, равнодушно-размеренных шагов палача...

Жестокость в мире, показываемом Кресником, была и будет всегда. Приметы разных времен угадываются в костюмах актеров — на подмостках

сосуществуют формы стюардесс и полицейских, пышный кринолин старинного платья, безликая одежда беженцев, королевский наряд и условное балетное трико. Кресник сталкивает воспоминания о конкретных эпохах, похоронив их в жутком пространстве морта.

Сцены спектакля хлещут вспыхивающими стоп-кадрами, монтируются встык и наваливаются одна на другую, сшибаясь в нескладную сумятицу, и снова подчиняются строгому ритму аскетического фортепианного сопровождения (музыка Курта Шварцника). Театральные приемы порой разоблачают сами себя, порой застаивают восхититься режиссерским мастерством их создателя. Натурализм побеждается поэтическими условностями.

...На фоне суесть многонаселенного действия проплывает величественная леди Макбет (Сузанна Ибаньес) —

алая дива, inferнальное существо, попавшее в мир примитивных кровожадных ведьм, гениев, обреченный на соучастие в убийствах... Вновь и вновь возвращается Макбет (Йоахим Зиска) из яркой глубины во тьму авансцены, вонзая бесчисленные кинжалы в лоскутки материи. Зловещую машину не остановить И вот уже корона оборачивается позолоченным колпаком глупца, а спокойный дуэт теней — призраков Макбета и леди Макбет захлебывается в сцене сумасшествия...

Кресник исследует не зло, а злодейство, бесстрастно показывая анатомию убийства. В его спектакле нет смерти, потому что нет жизни, ей предшествующей. Радость бытия мелькнет лишь однажды, когда сцену заполнят беззаботные малыши в разноцветных пижамках. Убийство детей окажется самым безжало-

стным злодеянием, ошеломляющим своей bestолковостью.

Жестокости множатся, скручиваются в колючий клубок, зияют провалом гигантской пустой глазницы дверного проема, за которым когда-то светила жизнь. Но многократно возникающие на сцене ужасы не устрашают и вовсе уж не шокируют. Трупы при сильном неоновом освещении видятся испачканными манекенами, а кровь — красноватой водичей, периодически выливаемой из ведра с кровью человеческие внутренности — бордовыми помоями. Кровавые эпизоды не ранят и не нарушают эмоционального равновесия зрителей.

Кресник подступил к театру жестокости, презрев науку боли, той боли, после которой наступает катарсис.

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА.